

ПОЭТИКА ПАСТОРАЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПОУПА.

А. Поуп, как известно, рано обращается к поэтическому творчеству и одновременно – к осознанной выработке эстетических принципов. Его первая публикация, сборник «Пасторали» относится к 1709 г. – к моменту, когда писателю исполнился только 21 год, при этом А. Поуп сразу занял ведущее место в английской поэзии, удерживая его до самой смерти в 1744 г.

Впрочем, современные исследователи достаточно сдержанно относятся к эстетическим достоинствам первого поэтического сборника писателя. Написаны пасторали были в 1704 г., когда поэту было только шестнадцать лет, и потому замечания литературоведов об ученическом характере этих произведений имеют под собой основания. Однако при том, что А. Поуп сознательно подражает в «Пасторальных» Вергилию (например, использует «вергилиевские» имена персонажей-пастухов – Алексис, Дамон, Лисидас, Тирсис, говорит о том, что «на Темзы берегах английских» он «голос Муз услышал сицилийских»), он не менее осознанно переосмысляет некоторые приемы античной пасторальной поэзии – как практически, в тексте своих произведений, так и теоретически, в «Размышлении о пасторальной поэзии», написанном тогда же, но опубликованном лишь в 1717 г. В этом смысле «Пасторали» сходны со всеми произведениями «досатирического» периода творчества писателя, поскольку представляют собой один из тех разнообразных жанрово-стилевых экспериментов, которыми, по общему убеждению литературоведов, был полон первый, поисково-экспериментальный этап его поэтического пути.

Размышляя над жанровой традицией, А. Поуп рассматривает пастораль как способ нарисовать образ давнего «золотого века»¹, «подражая образу действий пастухов». Но при этом он имеет в виду не реальных пастухов, современных ему, но мифопоэтических пастухов, «какими они должны быть», что свидетельствует о классицистической установке поэта на должное, созвучной принципам М. Опица, Ф. Малерба, Н. Буало. Причем,

должествование связано со следованием традиции пасторали – поэтической, драматической, романной, которая установилась в эпоху Ренессанса и XVII в.: о благородстве своих героев-пастухов неизменно сообщали Саннадзаро и Х. де Монтемайор, Сервантес и д'Юрфе, Спенсер и Тассо, Гварини и Ракан и т.п. Самый характер пасторальной поэзии, по мнению автора «Рассуждения», включающий «простоту, краткость и деликатность», способен воссоздать «естественность», понимаемую поэтом также в классицистическом духе, как органичное слияние искусности и простоты.

Восхищаясь не только античными сочинителями - Феокритом и Вергилием, но и Тассо, Спенсером, А. Поуп, тем не менее, полагает деление пасторалей на месяцы в спенсеровом «Пастушьем календаре» слишком подробным («в течение года не бывает такого разнообразия, которое бы потребовало описания каждого месяца») и создает четыре поэтических пасторали в соответствии с четырьмя временами года. Отказ от ренессансного принципа разнообразия (о котором писал, характеризуя эстетику итальянского Возрождения, Л. Баткин) сделан в пользу классицистического обобщения. Поэт использует, безусловно, традиционное аллегорическое уподобление каждого времени года этапу человеческой жизни, однако редуцирует это уподобление до стадий любовного чувства: счастливое пробуждение любви весной, ее осуществление и переживание летом, уходящая осенняя любовь и смерть любви зимой. При этом А. Поуп особо заботится о правдоподобию: «сезонные» топосы пасторали не то, чтобы изменены поэтом, но соответствуют по-классицистически «естественному» пейзажу, когда в этом пейзаже не встречаются вместе растения, цветущие в разное время, не поют птицы, которым не положено природой петь в это время и т.д. Одновременно читателю представлен своего рода «пейзаж души»: прекрасный гармоничный мир природы оживает в песнях, а не наяву, поскольку «качества, которыми поныне/ Гордился мир», бесследно исчезли («Теперь их нет в помине»).

Литературоведы прежде всего отмечают в анализе «Пасторалей» их стилистические особенности, то говоря о необычайной звучности стиха, то отмечая удивительную легкость «героического куплета», которым они написаны². Однако, думается, что одним из важнейших сторон поэтики А. Поупа уже в этих ранних произведениях является тесное и органическое сплетение лирико-поэтического начала с эстетической рефлексией.

Пасторальный мир А. Поупа – это прежде всего мир поэзии, в котором пастухи – своего рода – двойники самого автора. Неслучайно герой первой пасторали Стреффон обращается за «струной» и «слогом» к друзьям А. Поупа – Уоллеру и Грэвиллу:

Inspire me, Phoebus, in my Delia's praise,
With Waller's strains or Granville's moving lays!

(Чтоб Делии красу воспеть я мог,/ Струну мне дай, Уоллер, Грэнвилл – слог!³).

В первой пасторали («Весна») поэт рисует традиционное поэтическое состязание влюбленных пастухов, но уже в ней герои в первую очередь воспевают красоту природы, и условием самого их пения становится эта красота:

Деревья зелены. Кругом, в избытке,
Боярышник цветет и маргаритки.
Таков природы здешней произвол,
Что каждой ноте вторит вешний дол
И на поляне голос переливный
Среди цветов находит отклик дивный (С.31).

Вторая пастораль, «Лето», также построена по устоявшейся модели жалобы влюбленного пастуха, но и она оборачивается рассуждением о природе и о поэзии:

Пускай другой проворный молодец
Сноровистой меня стрижет овец
И славится уменьем холить стадо.

Мне в этом деле первенства не надо.

О, если б Аполлон, пастуший бог,

Чело обвить мне лаврами помог! (С.36)

В третьей пасторали («Осень») А. Поуп прямо говорит о намерении «пересказать» песни пастухов и обращается к Мантуанским нимфам с тем, чтобы обрести качества, необходимые для пастушеской поэзии – «безыскусной страсти с простодушьем смешение» (С. 40).

В последней пасторали, «Зима», автор выступает под маской Тирсиса, не только слагая печальную песнь об умершей Дафне, но и завершая весь цикл своеобразным прощанием с жанром:

Пощайте, Дафна, Музы и стихи!

Прощай, любовь, прощайте, пастухи!

Прощайте, горы, доли, рощи, реки,

И ты, лесной народ, прощай навеки! (С.48)

По мнению И.О. Шайтанова, пастораль была «обманкой, иллюзией простоты», «это была условность, игра, не ограниченная одной литературой и шире – искусством»⁴, но за этим суждением стоит, как кажется, определенная недооценка серьезности игровой функции пасторали. Автор пасторалей отнюдь не стремится к простоте, скорее к естественности, понимаемой как высшее искусство владения поэтическим слогом. «Играя» в пастуха-поэта (точнее в пастухов-поэтов, поскольку А. Поуп передоверяет собственные мысли и интонации нескольким персонажам), английский классицист стремится соединить правильность и изящество, соответствие установившимся поэтическим канонам и оригинальность.

---

¹ «Если мы хотим подражать Природе, нам полезно будет иметь в виду такую мысль: пастораль – это образ того, что называют золотым веком» (If we would copy Nature, it may be useful to take this idea along with us, that pastoral is an image of what they call the Golden age) – Pope A. Selected Poetry and Prose. N.Y., 1958. P. 9).

² Шайтанов И.О. С.76-79.

³ Поуп А. Поэмы. М., 1988. С. 31 (пер. В. Потаповой). Далее стр. указаны в скобках после цитаты.

⁴ Шайтанов И.О. Имя, некогда славное // Поуп А. Поэмы. С.9.